

УДК 82

**РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ В СБОРНИКЕ
В. СОСНОРЫ «МОТИВЫ ФЕОГНИДА. ЭНЕАДА»**

© **Болнова Екатерина Владимировна** (2021), ORCID: 0000-0003-4956-642X, SPIN-код: 7779-0276, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), eka332@yandex.ru

В статье рассматривается рецепция античного наследия в последнем сборнике стихотворений В. Сосноры «Мотивы Феогида. Энеада», само заглавие которого настраивает читателя на восприятие книги одного из главных русских поэтов-новаторов недавнего времени сквозь призму творчества античного поэта Феогида Мегарского. В связи с этим максимально широко рассматриваются биографические параллели, позволяющие сопоставить двух указанных авторов. Установлено, что В. Соснору и Феогида Мегарского сближает автобиографический характер творчества. Значительная часть статьи посвящена «Феогидовскому сборнику», его композиции, образной системе, а также восприятию сборника современниками и читателями, исследователями последующих периодов. Для обоих сборников, В. Сосноры и Феогида Мегарского, важным становится соотношение «своего» и «чужого» слова, значимость адресата. Анализируются пути усложнения принципа адресности в поэтическом цикле В. Сосноры. Отдельно отмечаются особенности обращения к античным богам, характерные как для стихотворений древнегреческого поэта, так и для русского поэта XX–XXI веков. Как один из центральных рассматривается мотив предательства поэта другом, который является значимым для «Феогидовского сборника» и, пусть и в трансформированном виде, может быть выделен в сборнике стихотворений В. Сосноры. Также в качестве общего обозначается мотив смерти, реализуемый в соответствующей системе образов. Кроме того, в статье рассматриваются моменты, принципиально отличные в «Феогидовском сборнике» и в сборнике «Мотивы Феогида. Энеада» В. Сосноры. Основное различие фиксируется в хронотопе: если стихотворения античного автора соотношены с временем и пространством его реальной жизни, то тексты В. Сосноры соотношены с апокалиптическим хронотопом. В заключение делается вывод о значимых приращениях смысла, которые возникают при восприятии текстов последнего

поэтического сборника В. Сосноры сквозь призму творческого наследия Феогида Мегарского.

Ключевые слова: В. Соснора, мифология, поэтический сборник «Мотивы Феогида. Энеада», Феогид из Мегары.

Сборник стихов В. Сосноры «Мотивы Феогида. Энеада», созданный в 2005 году, является последним поэтическим сборником автора. Его заглавие отсылает читателя к античной поэтической традиции. Абсолютно прозрачным является указание на Феогида Мегарского, древнегреческого поэта 2-й пол. VI в. до н. э., как на источник вдохновения Сосноры. Не столь прозрачна для читателя вторая часть заглавия – энеада. В собрании стихотворений Сосноры 2018 года, выпущенном при непосредственном участии автора, дается ссылка с указанием на значение данного слова. В переводе с греческого оно означает «девятка». Всего девять стихотворений и входит в последний поэтический сборник автора. Таким образом, Соснора настраивает гипотетического читателя на определенный способ восприятия сборника стихотворений «Мотивы Феогида. Энеада»: тексты могут и должны быть прочитаны в контексте античной культуры.

Однако у Сосноры здесь можно отметить некую игру с читателем; дело в том, что «энеада» в значении «девятка» пишется с двумя «н» (см. название сборника произведений Плотина); а «энеадами» называли спутников Энея; вероятно, Соснора здесь сознательно играет созвучиями внешне очень похожих слов: на «Эннеады» Плотина наслаиваются «энеады» как спутники Энея, а к ним добавляется «Энеида» Вергилия.

Закономерным представляется вопрос о том, по каким источникам Соснора знакомится с текстами Феогида. На данный момент творческое наследие античного поэта представлено в трех основных изданиях, а также в сети Интернет. Речь идет о книге «Элегии» (Пб.: Петрополис, 1922) в переводе А. Пиотровского; переводе Феогидова сборника, осуществленном А.К. Гавриловым и включенном в качестве приложения в монографию Доватура А.И. «Феогид и его время» (Л.: Наука. 1989), а также переводе второй книги Феогидовского сборника, выполненном Ю.А. Голубцом для антологии «Древнегреческая элегия», вышедшей в серии «Античная библиотека» (СПб.: Алетейя, 1996). Часть этих изданий можно найти в сети Интернет. Также там представлены переводы В. Вересаева, С. Апта,

С.И. Радцига. Таким образом, Соснора имел возможность познакомиться с различными вариантами переводов одних и тех же текстов. Не указывая определенный источник, вдохновивший его, автор позволяет сосредоточиться не на конкретных элегиях (чаще всего переводчики обращаются к одним и тем же текстам), а на общих мотивах и образах, которые присутствуют в лирике Феогида.

Соснора комментирует сборник «Мотивы Феогида. Энеада» следующим образом: «"Феогид" – последние стихи, которые я написал. Больше стихов не будет. Еще ни один из уважающих себя поэтов не написал ни строчки после 70, и так во всем мире» [Соснора] (здесь Соснору легко опровергнуть: Гете, например, написал вторую часть «Фауста», когда ему давно миновало 70; можно вспомнить и Г.Р. Державина). Закономерным видится вопрос о том, что побуждает Соснору закончить свое поэтическое творчество отсылкой к греческому поэту. Прежде всего необходимо сказать несколько слов о Феогиде из Мегары и о «Феогидовском сборнике». Античный автор 2-й пол. VI в. до н. э. был представителем древней родовитой аристократии. В его элегиях находит отражение личная (или частично воображаемая автором) судьба самого Феогида, который был изгнан из родного города и скитался по разным областям Греции после поражения аристократии в борьбе за власть. Нищий поэт возвращается на родину несмирившимся и непримиренным. В Греции было несколько городов с названием Мегары, поэтому существует несколько вариантов того, какой город был родиной поэта. Уже на данном этапе рассуждений становится понятным один из аспектов, определивших интерес Сосноры к Феогиду. Дело в том, что судьба греческого автора была во многом типична для представителей греческой же аристократии данного исторического периода. Именно этим отчасти объясняется то, какое распространение получили элегии Феогида на пирах.

Автобиографический миф Сосноры, с одной стороны, включает в себя события почти невероятные и достойные сценария остросюжетного голливудского фильма, а с другой стороны, отражает все основные вехи, которые можно обозначить в истории российской интеллигенции послевоенного поколения. Приведем лишь некоторые факты, которые легко найти в сети Интернет. В нашу задачу не входит установление того, насколько данные факты биографии соответствуют реальности. Гораздо важнее, на наш взгляд, что сам Соснора указывает на эти моменты как на реальные.

Соснора родился 28 апреля 1936 года в семье гастролировавших в Крыму ленинградских цирковых артистов, его дед был раввином в Витебске. Родители развелись, когда он был ребёнком. Во время Второй мировой войны в 1941–1942 годах находился в голодающем блокадном Ленинграде вместе с матерью, был вывезен по «Дороге жизни» из города под обстрелом. Далее он очутился на Кубани и был захвачен немцами. В семилетнем возрасте он трижды побывал в гестапо, а затем жил в партизанском отряде, которым командовал его дядя. Этот отряд и его командир были расстреляны фашистами на глазах у мальчика. Он спасся только потому, что за четверть часа до расстрела сам был ранен в голову осколком мины. Он видел расстрел отряда сквозь застилавшую ему лицо кровь.

Спасшегося мальчика нашел отец, ставший к тому времени командиром корпуса Войска Польского. Став «сыном полка», Соснора дошел до Франкфурта-на-Одере. В то время он научился метко стрелять, поскольку был определен в снайперы, и с удовольствием стрелял в немцев, которые во время отдыха, сняв каски, неосторожно высовывали головы из окопов.

Окончив среднюю школу во Львове, он вернулся в Ленинград, учился на философском факультете ЛГУ им. А.А. Жданова, откуда ушел за год до получения диплома. В 1955–1958 годах служил в армии в районе Новой Земли, там он участвовал в испытаниях, связанных с «атомными экспериментами», в ходе которых получил облучение. В 1958–1963 годах работал слесарем-электромонтажником на Невском машиностроительном заводе и заочно учился на филологическом факультете ЛГУ.

Имел публикации в советских официальных издательствах, также тексты Сосноры расходились в самиздате, публиковались в «тамиздате». Был единственным представителем «официальных шестидесятников» в Ленинграде и много ездил за границу. Читал лекции в Париже и США. Дружил с Лилей Брик, Николаем Асеевым. Его поддерживали Борис Слуцкий и Константин Симонов.

На протяжении многих лет руководил в Ленинграде литературным объединением. Читал курсы лекций в Новом Парижском университете (Венсен), преподавал во Вроцлаве. Жил в Санкт-Петербурге, где скончался в 2019 году. Таким образом, биография Сосноры, являясь абсолютно уникальным явлением, так или иначе соотнесена со всеми важнейшими фактами истории, повлиявшими на поколение поэтов послевоенного периода. Это, в свою очередь,

позволяет увидеть, казалось бы, неочевидные параллели судеб Сосноры и Феогида.

Отдельного внимания заслуживает сборник «Феогидовых» элегий. Его ядром являются произведения, обращенные к возлюбленному юноше, Кирну. Однако за несколько столетий сборник разрастается за счет произведений, не принадлежавших Феогиду. Адриан Пиотровский во вступительной статье к своим переводам феогидовых элегий пишет об этом: «Теперь легко понять и эти пути расширения первоначального собрания. Элегический размер, раз удачно найденный, быстро стал художественным каноном и, как таковой, достоянием всего породившего его сословия, писание элегий сделалось излюбленной игрой дилетантов и всех не вовсе оставленных музой. Их слагали и аристократы-поэты – жизнерадостный Мимнерм, глубокий Солон, мужественный Тиртей, слагал и тиранн Дионисий, и афинский политик Критий и столько других аттических, коринфских, спартанских воинов и мореплавателей, загубивших память свою и имена. <...> Сборник, ставший популярным, вбирал в себя надписи и пословицы родственного содержания. Песни других поэтов, – того же Солона и Мимнерма, теряя имена своих создателей, поглощались им» [Пиотровский 1922, 8–9].

Тот же Пиотровский указывает на то, что в поэзии Феогида каждая эпоха выделяет свои значимые аспекты. «Для поздней античности это – книга наставлений, подобная «Премудрости Соломоновой», но более достойная внимания философа. <...> Учителя морали видели в Феогиде и оратор Исократ, и историк Ксенофонт, Платон и Аристотель. И для них Феогид – книга школьная» [Пиотровский 1922, 5]. В то время, как сам Феогид предназначал свои элегии для застольного пения в сопровождении флейты. Для современного читателя «Феогидовый сборник» представляет лишь исторический интерес. Пиотровский как составитель сборника «Элегии Феогида» видел свою задачу в том, чтобы сборник «превратить в лирическую автобиографию сильной и смелой души, первой, может быть, сознавшей себя индивидуальности в истории Европы» [Пиотровский 1922, 10]. Интерес Фридриха Ницше к поэзии Феогида связан со стремлением найти обоснование собственной концепции в возврате к дохристианской морали.

Таким образом, мы видим, что сборник поэтических текстов Феогида вбирает в себя «чужие слова» без потери качества. Искусственное механическое разделение сборника на элегии Феогида и

более поздние тексты может привести лишь к разрушению «Феогнидовского сборника». Проблема своего и чужого слова значима, когда мы говорим и о стихотворениях Сосноры. Как поэт он крайне культурологичен, многие его тексты могут быть адекватно прочитаны только через прямую отсылку к тексту-предшественнику («Я вас любил. Любовь еще – быть может»; «Я тебя отворю у всех семей, у всех невест» [Соснора 2018, 571; 573] и т.д.). Стихотворения Сосноры вбирают в себя «чужое слово», обогащаясь им. Вся предшествующая культурная традиция так или иначе преломляется в текстах автора. То есть можно говорить о том, что свободное приращение смыслов за счет обогащения «чужим» материалом является исторической данностью применительно к «Феогнидовскому сборнику» и продуманной стратегией Сосноры. Слова Доватура, сказанные о «Феогнидовском сборнике», в одинаковой мере справедливы и для творчества Сосноры: «В сборнике нередки случаи легкого изменения в тексте чужих стихов, придающего этим стихам новый смысл, отличный от смысла оригинала; бывают такие случаи и в дублетах стихов самого Феогнида. Отсюда заключение о сознательном изменении чужого достояния, создании вариантов к чужим стихам. Поэтому и чужие стихи, дословно цитируемые в феогнидовском сборнике, могут рассматриваться как материал для предполагавшихся вариантов поэта на ту же тему» [Доватур 1989, 38–39].

Также поэтические сборники Сосноры, подобно творениям Феогнида, могут считаться «лирической автобиографией сильной и смелой души» [Пиотровский 1922, 10]. Жизнеописательный элемент лирики Сосноры, кроме того, перекликается с автобиографической прозой поэта.

Еще одним значимым моментом, о котором невозможно не сказать, обращаясь к сопоставительному анализу поэтического наследия Феогнида и Сосноры, является внимание к форме построения стихотворных текстов. Как отмечает Пиотровский, под словом «элегия» «эллины объединял все, созданное в своеобразной метрической форме, – строфах-двустушиях. Ровно восходящий гекзаметр и пентаметр ниспадающий, плавно – короткая строфа, совершенная форма для мысли отточенной и ясной» [Пиотровский 1922, 8]. Один из наиболее авторитетных исследователей в данной области, Ю.Б. Орлицкий, пишет, обращаясь к анализу текстов Сосноры: «Значительное место в наследии поэта занимает также свободный стих в строгом смысле слова, характеризующийся принципиальным отсутстви-

ем рифмы и максимальным разбросом тонической и силлабической длины строк» [Орлицкий]. Пять из девяти стихотворений цикла «Мотивы Феогнида. Энеада» написаны именно свободным стихом. При этом Орлицкий отдельно отмечает, что «традиционно ориентированный на античную топику и ее модификации, гекзаметр в точном смысле Соснору не слишком интересует: он предпочитает работать с разного рода дериватами этой древней метрической формы, последовательно расшатывая ее» [Орлицкий].

Важной структурной особенностью многих элегий Феогнида, отмечаемой всеми исследователями, является наличие адресата, юноши Кирна, близкого поэту и значимого для него. Феогнид часто использует местоимение 2-го лица, обращаясь к нему в стихах:

На двое сердце мое о тебя, о, Кирн, расколось,
И не пойму я, люблю иль ненавижу тебя. –
Знаю одно – тяжело ненавидеть любимого, друг мой,
Только еще тяжелей так, без ответа, любить
[Феогнид 1922, 72].

В пяти из девяти стихотворений Соснора использует местоимение «ты» или определенно-личные предложения со сказуемым, стоящим в форме 2 лица единственного числа. Еще в трех автор использует сказуемые в форме 2-го лица множественного числа. То есть наличие адресата является также одной из значимых черт поэтического сборника Сосноры:

Птичка-тряпичка, клевательница ягод,
что ты играешь на флейте, не мелькая, –
это играю на каменной флейте – я.
Я говорю, невидимка, тебе – невидимке,
ты, улетаая, окаменеешь от температур,
и будут слушать подошвы твой хруст и смеяться.
<...> Мать моя, смерть, как провожала в жизнь!
Я не покину тебя.
Ты верь мне, верь мне!

[Соснора 2018, 886–887].

Очевидно, что в поэтическом мире Сосноры происходит значительное усложнение принципа адресности: автор обращается к другу

(«Ты друг перепутал!» [Соснора 2018, 886]), птичке, смерти, ребенку («Не верь, не верь, мое дитя золотое» [Соснора 2018, 887]), потомкам («В списки воскресших меня не пишите» [Соснора 2018, 888]), самому себе, человечеству в целом («Когда я уйду – сожгите // И пеплы уйдут по водам тела» [Соснора 2018, 889]). В элегиях Феогида достаточно часто встречается и традиционное обращение к богам: Аполлону, Артемиде, Зевсу. Сборник открывается поэтическим текстом с заглавием «К Аполлону», в котором Феогид воспевает покровителя искусства, восхваляя его рождение:

О, Господин, сын Зевса, Латоны дитя! Не забуду,
Песнь запевая – тебя, песнь завершая – тебя.
Нет же, тебя буду петь я начальным, тебя и последним,
И в середине – тебя. Ты же услышь и спаси!
[Феогид 1922, 17].

В шестом стихотворении цикла Сосноры также встречается обращение к Аполлону. Но это уже старый бог, потерявший былую силу и красоту. Он не способен больше натянуть тетиву лука, его физический облик перестал быть привлекательным:

Рыцарь и рог – как мираж в запятых,
когти у рока устали.
Выбрось, не натянуть!
Что ж ты наделал с собой, что глазницы
пусты, в них плещется ртуть.
Бицепсы как паутина.
Сердце как перстень
в двух пальцах.
Бюст Аполлона пуст

[Соснора 2018, 889].

Обращение к Зевсу в восьмом стихотворении сборника Сосноры отмечено столь же радикальной сменой модальности по сравнению с элегиями Феогида. По словам Доватура, в основе религиозного мировоззрения античного поэта «лежит вера в существование богов, в их могущество и в зависимость людей от них» [Доватур 1989, 124]. Приведем отрывки из двух текстов античного поэта. В первом он вопрошает Зевса, как он может терпеть социальную

несправедливость (как ее понимал Феогнид) и не вмешиваться, тем самым выражает упрек Зевсу, но «в очень почтительной форме» [Доватур 1989, 127]. Во втором он просит верховного бога-олимпийца изменить его жизнь к лучшему и дать возможность отомстить обидчикам. В обоих текстах утверждаются безграничность силы Зевса и его могущество:

Милый Зевс! Удивляюсь тебе. Ты ведь всем управляешь.
Слава твоя велика. Власть беспредельна твоя.
Сердце людское ты видишь и нравы людей различаешь, –
Ты ведь всего, что живет, царь и вершитель, и вождь.
Как же ты терпишь, Кронид, чтобы вор и последний
разбойник
Равную с добрым мог участь и долю иметь?
[Феогнид 1922, 32].

Зевс-Олимпиец, исполни мою справедливую просьбу:
После обиды и бед радость увидеть мне дай!
О, я умру, если отдыха в думах глухих не пошлют мне
Боги святые, когда злом не воздам я за зло
[Феогнид 1922, 60].

Обращение Сосноры к Зевсу отличается крайней интимностью и задушевностью. Он мягко упрекает его в том, что бог не послушал совета автора. События разворачиваются в предощущении конца света («Погаснет Звезда и еще через месяц уйдет Небосвод // и не будут кружиться дубы законные на корнях...» [Соснора 2018, 890]), который может быть воспринят как неотвратимые последствия решений Зевса:

Говорил же тебе: не пророчь,
не приводи в движенье Ничто,
пусть стоит и мерцает и брызжется,
и цветёт, и свистит.
Ты же закрой глаза-веки, рот и не тронь
всё случится само и без тебя, ты себя
прибереги пока, свет тебе делает смотр,
а потом уж решай,
стоит ли розе вздохнуть,

а слонам трубить,
в том мажоре жить сто световых лет.
Зло опереточное оставь, о Зевс!

[Соснора 2018, 890–891].

Интересно, что предшествующее, седьмое стихотворение цикла Сосноры завершается вынесенным в отдельную строфу общим обращением ко всем богам: «Боги вы боги, антиитоги» [Соснора 2018, 890].

Теперь мы вплотную подошли к вопросу о том, какие еще мотивы и образы элегий Феогнида напрямую перекочевали в последний поэтический сборник Сосноры.

Во многих элегиях Феогнида присутствует мотив предательства поэта другом. Он встречается и в процитированных ранее текстах, но нам кажется уместным сослаться на еще два стихотворения, связанных с темой измены и предательства:

Нет, не обманешь меня. О, я знаю тропу, по которой
Столько уж раз ты ходил, нашу любовь обокрав!
Что ж, уходи! Ненавистный богам, для людей ненадежный,
Ты, на холодной груди скользкую скрывший змею!
[Феогнид 1922, 70].

Чей это черный совет? Кто сумел убедить тебя, милый,
В горе покинуть меня, нашей любви изменив?
[Феогнид 1922, 71].

В стихотворном цикле Сосноры этот мотив представлен в первом стихотворении. Особенностью интерпретации автора XX века является то, что изменой становится уход друга из жизни и последовавшая за этим невозможность соединения в мире мертвых:

Друг меня предал – покончил с собой.
В будущей жизни друг друга мы не узнаем,
порознь не глядя друг мимо друга пройдем.
Скажут: у них перламутровы лица
[Соснора 2018, 886].

Приведенные строки важны как возможное словесное описание финальной сцены фильма Ж. Кокто «Завещание Орфея» 1959 года. Режиссер в нем сыграл главную роль – роль Орфея, который после смерти идет вспять и встречает в образе старого Эдипа Жана Маре. Кокто переосмысляет свои личные и творческие взаимоотношения с актером в контексте античного мифа об Эдипе, связанного с темой рока, судьбы, отношений отца и сына. В фильме герои не узнают друг друга и расходятся в разные стороны. Финальная строка стихотворения Сосноры по сути является остранением, взглядом со стороны. Это не просто взгляд наблюдателя, но взгляд зрителя, однако зрителя не сочувствующего, а отстраненного, фиксирующего эстетическую составляющую самого драматического и напряженного момента черно-белого фильма.

Закономерно, что мотив смерти крайне важен как в элегиях Феогида, так и в стихотворениях Сосноры, входящих в последний цикл.

Естественно, смерть и царство Аида упоминаются Феогидом достаточно часто. Говоря о своей смерти, автор использует ряд повторяющихся образов: черной земли («Сладко в могиле лежать, черной укрывшись землей!» [Феогид 1922, 80], «Ведь скоро другие на смену // Люди придут, а я черною буду землей» [Феогид 1922, 81]), камня, пустоты («Буду я в сердце земли камнем безгласным лежать. // Светоч веселого солнца оставлю и душу покину. // Добрым я был, а там буду слепым и ничем» [Феогид 1922, 83]). Зачастую в одном тексте упоминается сразу несколько атрибутов смерти, в том числе и слепота, а сама загробная жизнь души мыслится как реальная в рамках традиционных представлений:

Ах! чьи засыпаны очи тяжелую перстью земною,
Кто в Персефонин сошел, мраком окутанный дом, –
Больше уж тот не услышит ни флейты певучей, ни лиры,
Тот не поднимет уже пенного Вакха даров
[Феогид 1922, 78].

В цикле стихов Сосноры мы легко находим те же конкретные образы земли, камня и соотнесенные с ними мотивы окаменелости как смерти, перемещения под землю, мотив слепоты:

Я говорю, невидимка, тебе – невидимке,
ты, улета, окаменеешь от температур,
и будут слушать подошвы твой хруст и смеяться
[Соснора 2018, 887].

Скоро возьмется за пилы зубные,
вырубят дом мой дневной и опрокинут,
что ж, мне достаточно и землянки.
Я с чертежами залягу на зиму,
скажем, в углу и закроюсь глазами,
в вечный гамак из паутины
[Соснора 2018, 888].

Люди не умирают, а каменеют
их лебединые шеи
заткнуты пробкой
[Соснора 2018, 890].

При этом Соснора фактически отказывается от христианской религиозной концепции, которая пришла на смену языческой и стойко укоренилась в массовом сознании, оставаясь актуальной по сей день:

Ляг в ухо лягушке,
Я не был, не был! Согласен.
В списки воскресших меня не пишите, –
этих утопий я не знаток.
В списки воскресших меня не пишите –
ноги, ветрами гонимы,
мокнут как листья
[Соснора 2018, 888].

Однако от элегий Феогнида поэтический сборник Сосноры заметно отличается своим хронотопом. Феогнид пишет о современной ему земной жизни, о нравах общества, смерть рассматривается как неизбежное будущее, вызывающее страх (представляя картину загробной жизни, лирический герой не может сдержать трепета: «Только об этом припомню, и робкие гнутся колени, // Клонится вниз голова. – Рабское сердце, смелей!» [Феогнид 1922, 78]). В то

время как в поэтическом цикле Сосноры пространство и время эсхатологически определены: нарушены законы физики, мир рушится. «Мотивы Феогида. Энеада» открываются описанием конца света: «Упало и небо и время» [Соснора 2018, 886]. Фактически каждое следующее стихотворение содержит в себе подобные картины. Приведем лишь несколько наиболее ярких примеров. Так, третий текст воспроизводит ситуацию, аналогичную описанной годом позднее Кормаком Маккарти в романе «Дорога». Многие образы находят параллели и в Откровении Иоанна Богослова:

И буду тайно коротать луны,
ища на белом этаже черный.
Не верь, не верь, что есть заря зрима,
где спичкой водит делегат пыльной.
Она взойдет, но будет уж не круг красок,
а выстрел рук и голубой бойни.
Не верь, не верь, что горизонт розов!
[Соснора 2018, 887].

В рамках цикла при этом каждое стихотворение находится в сложном взаимодействии со всеми другими текстами. Например, четвертое стихотворение открывается строфой, повторяющей и углубляющей самую первую строку цикла («Упало и небо и время»):

Время – упадок – и падают на спину птицы.
Листья взлетают и намокают,
и не мигают миллионоглазые мухи
[Соснора 2018, 888].

Интересно, что если элегии Феогида, обращенные к Кирну, призывают юношу поверить мудрости старшего товарища («Да, я люблю тебя, Кирн, и тому научу, что когда то, // Мальчиком росши, и сам слышал от добрых людей. // Вот что твердо ты помни!» [Феогид 1922, 28]), то у Сосноры мотив веры и неверия усложняется за счет столкновения в расположенных друг за другом текстах антонимичных призывов. «Я не покину тебя. Ты верь мне, верь мне!» [Соснора 2018, 887] – завершение второго стихотворения цикла. «Не верь, не верь что горизонт розов! <...> Не верь, не верь, мое дитя золотое...» [Соснора 2018, 887] – в третьем стихотворении цикла.

Возвращаясь к вопросу об изображении конца света в цикле Сосноры, обратимся к последнему стихотворению. Не вдаваясь в детали, скажем, что в нем автор обращается к нескольким семантически значимым мотивам и образам. Образ непрекращающегося дождя отсылает к распространенному мифу о Всемирном потопе, уничтожившем все живое:

Всю ночь, всю ночь шел дождь
как шквал.
И умер с оком конь.
Всю ночь шли нищие в шелках
под фонарем –
без фонарей.
<...>Время смято, снято
как море бился
глаз.
Коня – огня – и от меня
что требует
Эллада?
Я смерть пою.
Я рву на саван сантиметр –
кармашек для души...
Всю ночь, всю ночь лицо блестело!

[Соснора 2018, 891]

Данное стихотворение вызывает и вполне понятные ассоциации с мифом о разрушении Трои, поскольку смерть троянцем принес конь, а сам город был сожжен, разграблен. Можно в последнем стихотворении цикла Сосноры увидеть и отсылки к достаточно известным литературным образам и живописным полотнам, например, к серии готических картин Генри Фюзели «Ночной кошмар». Очевидны переклички с заключительным стихотворением В. Маяковского из цикла «Я» «Несколько слов обо мне самом»:

Это душа моя
ключьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!
Время!
Хоть ты, хромой богомаз,

лик намалой мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!»

[Маяковский 1973, 39]

Образ фонаря, используемый Соснорой, символически нагружен и часто встречается как в русской, так и в зарубежной литературе, поэтому не имеет смысла вычленять какие-либо конкретные источники. Важным представляется скорее то, что в сознании читателя не могут не возникнуть две противоречивые ассоциации: «бесмысленный и тусклый свет» фонаря из, пожалуй, одного из самых известных и пессимистических стихотворений А. Блока (данную ассоциацию поддерживает и образ ночи, которым открывается и завершается текст Сосноры) и Фонарщик из сказки Сент-Экзюпери «Маленький принц», который верен своему долгу, несмотря ни на что.

Возвращаясь к элегиям Феогида, хочется отметить ряд конкретных переключек со стихотворениями Сосноры. В одной из элегий античного автора встречается упоминание голоса птицы, несущей людям весть:

Голос, Полипаид, птицы, резко кричащей, я услышал,
той, что смертным весть принесла...

[Феогид 1989, 180]

В цикле Сосноры можно найти и образ птицы («**Птичка**-тряпичка, клевательница ягод, // что ты играешь на флейте...» [Соснора 2018, 886], «**Белых голубей** взор» [Соснора 2018, 887], «**Птицы** зловещи, их градус и речь, // и не сморгнешь, и не знаешь, куда унесут // их треугольники-крылья – и хвост и – клюв» [Соснора 2018, 888]) и лексику, семантически связанную с образом птицы: «И светлые троны построим // из лепестков и миражей, // **гнёзда** жизни!» [Соснора 2018, 887], «Все мы **взлетим**, как чайные ложки...» [Соснора 2018, 890] и т.д. Естественно, за рамками статьи остается вопрос о значении тех или иных образов в творческом наследии Сосноры в целом.

В заключение стоит отметить общий пессимистический тон, который роднит элегии Феогида и последний поэтический сборник Сосноры. «Социальные и политические идеалы поэта [Феогида]

терпят крушение: он видит не только торжество своих социальных антагонистов, но и измену традиционным воззрениям со стороны тех, кого он считал своими единомышленниками» [Доватур 1989, 30]. Применительно к Сосноре можно говорить об ощущении конца эпохи и конца поэтической творческой деятельности.

Источники

Маяковский 1973 – Маяковский В. *Собрание сочинений в 6 т.* Т.1 М., 1973.

Соснора – Соснора В. *Персональный сайт* URL: <https://sosnora.poet-premium.ru/> (дата обращения 17.06.2021).

Соснора 2018 – Соснора В. *Стихотворения.* СПб., М., 2018.

Феогнид 1922 – Феогнид из Мегары. *Элегии.* Пг., 1922.

Феогнид 1989 – *Феогнидов сборник // Доватур А.И. Феогнид и его время.* Л., 1989. С. 147–181.

Литература

Доватур 1989 – Доватур А.И. *Феогнид и его время.* Л., 1989.

Орлицкий – Орлицкий Ю.Б. *О стихосложении Виктора Сосноры (предварительные замечания) // НЛО.* 2019. № 6. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21793/ (дата обращения 17.06.2021).

Пиотровский 1922 – Пиотровский А.И. *Поэзия Феогнида // Феогнид из Мегары. Элегии.* Пг., 1922. С. 5–13.

RECEPTION OF THE ANCIENT HERITAGE IN THE COLLECTION OF V. SOSNORA *THE MOTIVES OF THEOGNIS. THE ENNEAD*

© **Bolnova Ekaterina Vladimirovna** (2021), ORCID: 0000-0003-4956-642X, SPIN-code: 7779-0276, PhD in Philology, assistant Lecturer, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), eka332@yandex.ru

The article investigates the reception of the ancient heritage in the latest collection of poems by V. Sosnora *The Motives of Theognis. The Ennead*, the very title of which sets the reader up to perceive the book of one of the main Russian poets-innovators of recent times through the prism of the work of the ancient poet Theognis of Megara. In this regard, the biographical parallels

that allow us to compare the two authors are considered as widely as possible. V. Sosnora and Theognis of Megara are brought together by the autobiographical nature of their work. A significant part of the article is devoted to the *Theognis Collection*, its composition, image system, as well as the perception of the collection by contemporaries and readers, researchers of subsequent periods. For both collections, V. Sosnora and Theognis of Megara, it is important to correlate "personal" and "outside" words, the significance of the addressee. The study also analyzes the ways of complicating the targeting principle in V. Sosnora's poetic cycle. The author also notes the peculiarities of the appeal to the ancient gods, which are characteristic of both the poems of the ancient Greek poet and the Russian poet of the XX–XXI centuries. The motive of the poet's betrayal by a friend is considered as one of the central ones, which is significant for the *Theognis collection* and, albeit in a transformed form, can be highlighted in the collection of poems by V. Sosnora. Also, the motif of death, realized in the corresponding system of images, is designated as a general one. In addition, the article discusses the points that are fundamentally different in the "Theognis collection" and the collection *The Motives of Theognis. The Ennead* by V. Sosnora. The main difference is in the chronotope: while the poems of the ancient author are correlated with the time and space of his real life, the texts of V. Sosnora are correlated with the apocalyptic chronotope. A conclusion is made about the significant increments of meaning that arise when perceiving the texts of the last collection of poetry by V. Sosnora through the prism of the creative heritage of Theognis of Megara.

Keywords: V. Sosnora, mythology, poetic collection *The Motives of Theognis. The Ennead*, by Theognis of Megara.

References

(Articles from Scientific Journals)

Орлицкий – Orbitskiy Yu.B. *O stikhoslozhenii Viktora Sosnory (predvaritel'nyye zamechaniya)* [About the versification of Victor Sosnora (preliminary remarks)]. NLO, 2019, no. 6. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21793/ (accessed 17.06.2021). (In Russian).

(Monographs)

Доватур 1989 – Dovatur A.I. *Feognid i ego vremya* [Theognis and his time]. Leningrad, 1989. (In Russian).

Пiotровский 1922 – Piotrovskiy A.I. *Poeziya Feognida* [The poetry of Theognis]. Feognid iz Megary. *Elegii*. Petrograd, 1922, pp. 5–13. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.04.2021